

A woman with long, wavy blonde hair, seen from the back, stands on a rocky bank. She is wearing a long, flowing green dress with a subtle floral pattern. She is looking towards a waterfall cascading down a rocky cliff in a dense, lush green forest. The scene is misty and atmospheric, with sunlight filtering through the trees.

Слава Милина

Уральские сказы для взрослых

Малахитовая

погибель: жертвы

"каменной девки"

Слава Милина

**Малахитовая гибель:
жертвы "каменной девки"
Уральские сказы для взрослых**

«Автор»

2026

Милина С.

Малахитовая погибель: жертвы "каменной девки" Уральские сказы
для взрослых / С. Милина — «Автор», 2026

Волшебна красива и всевластна Хозяйка Медной горы, кого избалует, а кого
- погубит. Вот и горный рабочий Степан сгинул... И теперь сыщику Курилову
надо раскрыть личину этой Малахитницы. Неожиданно в сыске более него
преуспевает жена - эмансипированная барынька Таисья.

© Милина С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Месть Хозяйки Медной горы	5
Глава 2: Таисья, сыщицка жена	9
Глава 3: Вдовьи мытарства. Устинья	12
Глава 4: Таисьино дознание про сапфир от Малахитницы	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Малахитовая погибель: жертвы "каменной девки" Уральские сказы для взрослых

Глава 1: Месть Хозяйки Медной горы

Солнечный луч напоследок посоперничал с отсветами двух свечей на оконном стекле и потух. За окном - две фигуры, внушительная и щуплая. У хилого человека и голос не крепок:

- Верно баю, худому человеку повстречаться с ней — беда выйдет, а поди ж ты - и доброду радосте не выходит. Со Степаном так оборотилось, он чо. Пошто на Гумёшки заладилсЯ ходить, када скрытничать подобало?

Полицейский надзиратель хлопнул огромной ладонью по столу, едва чернильница не опрокинулась. Брови собрал над носом одной жёлтой дугой, круглые глаза и вовсе выпучил да и надвинулся на Прокопьяча через дубовый стол, выдавший виды.

- Слышал я вашу сказку про ящерку оборотную! Убийцу покрываете?! Я-то вытрясу из вас потроха!

Откинулся он в репсовое креслице, а то аж пискнуло от надсАды. Хоть Курилову не было тридцати пяти лет, а тело он нагулял грузное - пузом выпуклым не похвастать, всё ровным столбом утряслось. Погладил рукой лощёные волосы, что послушно облепили его крупную голову и закончились у шеи мелкими слюдяными завитками. Белёсый, оттого быстро входит в краску. А сейчас вовсе закраснелся, как его в малине-ягоде извозили.

Тихонько кашлянул, подкатил глаза к потолку с серой от печного да папиросного дыма побелкой, закрыл их и вслух досчитал до пяти. Прокопьяч с интересом наблюдал за чудными выкрутасами сыщика Курилова. Тот на днях прибыл к ним в завод и со вчера начал выпрашивать местных про Степанову судьбу. К этому часу вот что прознал.

Степан сын Петра - из местных. Рано осиротел, отроком ещё. Бедствовал парень до двадцати с лишком годов, а потом явился с рудника будто бы с сокровищами. Быстро-быстро давай их распродавать в городе Сысерти да ещё дальше, а в заводе - обрастать добрым хозяйством. Избу ему работяги поставили, платой их не обидел. Да лошадку на двор привёл справную, к ней всё что полагается, упряжь всякую, повозку крепкую; коровёнку молодую поставил в загоне из хорошего тёса. Да мелочи какой-никакой завёл - уточек да курочек.

На такое хозяйство сразу невесты отыскались - да чуть ли не с десятков, коли не соврать. В этом заводе девок меньше было, так с посёлка начали на гулянки приходить да Степану подмигивать.

А тут ещё он из крепости вышел - на оброк пошёл. Ещё торговать не торговал зерном да сеном, а помещику червонцы приносил в срок. Вот и размечтались о нём все девки в округе, которые не барыни. Даже молодая вдовушка, Устинья, додумалась на Степана зыркать. Правда, статная да баская Устя - конфекта сладкая! На её красу не только что мужики, а то и парни бывало поглядывали.

Да Степан был совестливый - вырос в строгости, а богатейство с толку не выбило. Поплясал на радостях с чужими девками, а всё ж таки невесту свою прежнюю не опозорил - позвал Настёнку в жёны. Свадьбу назначили на осень, изладили её гостям на отраду - хорошо угостили.

Вот и детки у молодых пошли - два парнишечки один за другим да и девчоночка тоже следом. Тут Степан-то и сгинул. После нашли, дён через пять, - на Медной горе, что Гумёшками зовут, у заброшенных забоев. Вроде как припрятанный лежал. Подозрительным это показалось, вот и наслали в завод полицейского надзирателя - пытАть заводских про Степанову погибель: по неаккуратности сам пальнул из ружьишка себе в горло или не случайна его смерть?

Самый разговорчивый - Прокопич, все это знают, но полицейский надзиратель, потому как новый человек в заводе, злится аж в раж входит. Вот и подкатывает глаза, счёт какой-то ведёт. Тогда уж снова к Прокопичу с расспросами.

- Говори, старик, как можешь, а только держи в уме, что покорооче надо, время у меня казёное, да роздых тоже нужен любому человеку. Что там про Северушку?..

Прокопич пожал костлявыми плечиками, поёрзал на стуле, а начал всё ж таки с готовностью. Хоть тараторит, а с выражением ведёт рассказ, ещё и руками кренделя выписывает себе в помощь.

- Речка Северушка, ежели отсюль пойти, дак южнее брать и потом - поперёк леска, какой Светлым прозываем...

- Знаю, был там вчера. Про Степана давай, старик, - простонал Курилов и без охоты отхлебнул чай из тяжелой кружки.

- Дак поди пошто зря. Никто туды не ходит, забои брошены, вода в них долит, чо там смыркаться почём зря? Вон Степан наладился, дак...

Курилов стал окрашиваться малиной и Прокопич в миг перескочил на нужное место в рассказе.

- Было дело давно, зим и лет никак четыре тому аль чуток поменьше... Степан слышь-ко от отца надел маленький получил, ну када осиротел, безусый ещё был. Ну вот минуло сколянибудь времени, в силу начал входить, дюжий стал, на Гумёшках робил. Единоба без дядьки свова вздумал на покос идти. И другой ещё из наших заводских там надел имел, тот постарше - уже и женатик. Чо делать, у Степана глаза в зелень маленько пошли, а Демид немало изробленный - и в глазах зелено, и щёки с зеленцой, и кашляет завсе... Така судьба в горе-то за малахит-руду мантулить... А далеко их земляца от завода, за Северушкой, чо баил тебе.

- Не тычь полицейскому надзирателю, морда немытая! Далее что? - плескнул по случайности, от стервенения, чаем по дубовому столу и вскричал Курилов.

Дед сильно обтёр сухонькой рукой рот туда-сюда, аж губы набок своротил, поди, пролитый чай пожалел - у него-то в кишках побулькивало от голоду, а допросчик в кружку три куса от сахарной головы подкинул и размешивает ладной ложечкой с малахитовым держачком, вот уж сладкий да сытный чай!..

Прокопич сглотнул без его воли набежавшую в рот слюну, поёрзал несмело да и давай опять тараторить.

- Ну и потопали Степан с Демидом на покос за Северушку. Путь держать далеко, а жарко - что тебе в печи. Разомлели. А тут лесок, чо баил... баил вам, осподин сыпшык. Как никак, а прохладней, пташки баюкают. Донесли их ноги до Красногорского рудника, это где наши заводски железо добывают, а там и подкосились. Какой постарше мертвецки заснул, а Степан вскорости разлепил глаза. И-от будто солнце в ресницах запуталось - така картина вырисовалась пред ым. Ан нет, не поблазнило... Шары-то разул - ой баска девица!.. Да вся поблёскиват! А как же, сарафан-то - малахитового шёлку! А сама спиной к нему, на валуне угнездилась. По спине грит коса, да не как у заводской какой девки, а ссиза-чёрная коса и со слюдяными лентами, а те слышко позванивают быдта на лад медных колокольцев. И круть-верть на месте-то - прям артуть-девка!

- Это пропусти, про женщину-ящерку трое вчера доложили, не до сказок мне, - сердито пристукнул Курилов малахитовым держачком по столу.

— Эка... Дак не Хозяйку искать наведались?.. А больше некому...

- Погоди, погоди, э-э... Савелий сын Прокопьев, - подглядел в бумагу Курилов, - хозяйка чего? баба, девка или барыня? где живёт?

- В горе и живёт, где ей жить. На порядок баить надоть. Как Степан. От него знам про Хозяйку-малахитницу. Сперваначалу-то от дедов, но топерече из наших её тока Степан встретил.

- Давай по порядку, знать, быстрее получится, - наконец пришёл к согласию полицейский надзиратель.

- Про Степана-от... Дивится он на девку в чудном сарафане, ах ты матушки, Малахитница это - Медной горы сама Хозяйка! Испужался, знамо. От стариков древних слышал: встреча с ней - на погибель. Надо ноги уносить, а быдто врос в землю. Тут и обернулась Малахитница. Глаза слышь-ко зелёные да с медной крапункой - ласково сияют. Ну Степан взор от них отлепить не может. Но обробеть парню перед девкой негоже, крепится как может. Малахитница туточки и поманила рукой - иди ко мне! Ноги и пошли. Встал пред Малахитницей, а она глазами вниз кажет. Глянул - лешак их забери, ящерок цельный остров под ногами. Какие посинее, а те - на вид глины да с золотыми узорами, зелёные и голубые есть, как песок у реки и как трава по весне... То войско у ей такое, у Малахитницы-то - ящерок несметно. Степан и не может шагу ступить - раздавишь какую, враз памяти лишишься, как слепошарый бродить почнёшь, старики сказывали.

- Экой бряколо, язви твою душу! Наплё-ёл!.. Говори про хозяйку! - чтобы занять себя чем-то, Курилов бросил в губастый рот отколотый кусок сахара, давай хрустеть им.

У Прокопьяча и вовсе скукожило в животе. Враз домой приспичило - похлёбка стоит в печи, дожидается... Он урезонил себя и досказал сыщику ещё проворней.

- Не боюсь, грит Степан, твоих проделок, не робкого десятка - в горе роблю. А та ему: и ладно, такой и нужен. Докажи, чо не робок. Они мне здесь на Красногорском руднике изладились железну шапку ломать, дак мой на то запрет! А то медь спушшу на самую глубоку глубину, уроки не достанете, спину-то придётся подставлять под плети. Да передай заутро приказчику мои слова в точности - мол, убирайся отсюль, душной козёл! Тада худого никому не причиню, а за тебя замуж пойду!

Он чо, так-то сказала, обернулась большущей зелёной ящеркой и убёгла. Степан, слышь-ко, даже сплюнул от досады - эт кому в радость на ящерке жениться?! И то сказать, мне годов уж как много, а я б ни в жись, тьфу ж ты, погань кака, удумала животино - да к человеку...

- Старик, в каталажку захотел?! И ящерок тебе туда доставлю! Под комплект! - и ложечку кидь от себя по столу. - Не смей от Степана увиливать, твоя биография покамест не любопытна, - осёк его сыщик.

- Ой поди ж ты... Об Степане речь веду! У его невеста тожно уж завелась, Настёнка, ладная, покорная девушка, та сизмальства в сиротках росла. Ну выполнил Степан наказ Малахитницы, а его за то и выпороли! Да ишшо на цепь в забой посадили. Изгаляться удумали - поисть дадут овсянки жменю, а урока требуют две нормы. А тока Степан выполнил-от урок, да малахит весь отборный у его, лазоревка тоже попалась, королёк быдта с завитушкой и протча добрая порода. Как так?! Ещё боле урок дают, Степан добывает! Волю ему помещиик посулил, ежли и третий урок выполнит - малахитовы столбы сышшыт.

Курилов прикрылся листом бумаги, зевнул там тайком. Отложил подале и бумаги, и перо. Облокотился на стол всей своей тушей - плечи до ушей, бесцветным голосом подогнал Прокопьяча:

- Ну давай, давай, веди свою сказку, столбы-то тоже отыскал Степан, да небось к утру поспел, а столбы с золотыми прожилками были?..

- К утру?! Мысленно ли, осподин сышшык. Там уж Степан время взял, а цепь с него сняли. Ну ничо, день идёт, другой и ишшо, и ишшо... Лето уж к своей макушке докатилось... Нако тебе - отыскал-от Степан столбы громадны из лучшего малахиту, каких свет ишшо не видывал. Их в Сам-Петербурх свезли. А Степан на волю пошёл и Настёнке волю требовал. Свадьбу они затеяли. Откуль у двух сирот, Шоша да Ероша чо в отоптышах бегали, свежей птицы да серебра на широко застолье?... А тока потчевали гостей шибко ладно, на три дня гульбы хватило.

Опосля нову избу Степан поставил, добрым хозяйством обзавёлся. Откуль нажива?.. Знамо, от Малахитницы. Тока потом осерчала она, чо заладился Степан по Гумёшкам рыскать - мало ли одарила? почто позарился добавок искать?..

- Да не за столбы ли малахитные его наградили? Которые в Санкт-Петербург по неслыханой цене во дворец продали. Поди, так-то лучше объяснить! - Курилов распрямился, пальцами тоже - хрум, хрум, вдругорядь в бумажку подглядел и далее спрос повёл. - Теперь говори, как нашли Степана неживым. Кто? Кто знал про деньги его? Кондрат сын Северьяна, знаешь такого?.. рассказывает, будто ты, Савелий сын Прокопьев, первым разнёс весточку про погибель Степана сына Петрова.

- Лешак его заberi, брешет Кондрашка! - старик дёрнулся неловкой птахой - руки вразлёт, а от стула не отстал. - То он мне баил про Степана, дескать, тока и пожил чо троих детишков народил, а подрастить и не смог, везут его с Красногорского рудника холодным.

- Когда это было?

- Надясь... Поди, дён пять тому.

- Число какое было?

- Численника не держу, господин сышшык. Дён пять тому...

- Подозрения с тебя не снимаю, потому как толком число назвать не можешь. Кондрат показывает, что ты раньше со стороны Красногорского рудника явился, так ещё рыском скакал, а после мужики оттуда Степана привезли. А разговор у вас с Кондратом был заутро! По какому делу в то нелюдимое место наведывался? Преступника тянет на место преступления, это известно.

- Погань, не сусед! Оглоед! Эх!.. Отмутузить полоухого! Припомнил!.. Припомнил я, поперву от Мишки Сухоручки услышал об Степане, - нервишки подкидывали Прокопьяча на стуле, но встать было боязно - надзиратель ещё не позволял.

- Вот и теперь пакость замыслил - соседа побить удумал. Щуплый да норовистый, - Курилов вперил круглые голубые глаза в стариковские щёлки Прокопьяча.

Тот опасался снова оплошать и придерживал слова во рту, оттого его тело искало выход нервозности - взгляд метался, руки беспокоились на коленях.

- Кто таков тот Мишка?..

- Сын Берендихин, кака баба у нас однорука.

- Где работает, каких годов?

- По хозяйству у купца Пермякова робит, двенадцатый аль тринадцатый пошёл годок. Его отец за телегой послал, мы в леску-то и встренулись...

- Тьфу ты, всё по кругу кружим... Об Михайле Берендиче показания записаны вчера. Ты пока иди. Не удумай куда с моих глаз деться, не сдобруешь. Вызову ещё.

- Ну дак опосля доскажу, сталбыть. На том прошайти, осподин сышшык. Отсюль не сбегу, куды мне...

Больше Прокопьяча в заводе не видали - как корова языком слизала. Курилов новёхонькими башмаками по полу стучал, и десятского, и заводских парней рассылал высматривать в округе следы старика - куда там, сквозь землю поди провалился. Прокопьяч сиротствовал, схоронив двоих сынов, что молодость малахитному делу отдали да кашлем и сгубились, вот и спросу про старика не с кого взять.

** Использoваны мотивы произведения Павла Бажова "Хозяйка Медной горы".*

Глава 2: Таисья, сыщицка жена

Побег Прокопчыча указал на верный путь розыска, да на след старика пока не вышли. Савелий вишь бедствовал, не имея ружьишка для охоты и сил для работы, рыбой да овощем перебивался. Нынче охотничий сезон в этих местах - утка с перезимки возвращается. А такие старики иной раз таскаются за охотниками - подсобить тут и там да уточку в награду получить. А тут слово за слово и про камень вызнал?.. И соблазн свой не сдержал?.. Да, могло так-то сложиться, думал думку Николай Савватейч. Непременно выследить старика, а покамест...

Полицейский надзиратель поусердствовал один день в поисках Савелия сына Прокопьева, да и сызнава принялся за других заводских - дело как-никак продвигать надобно, и в губернской управе отчёт спрашивают. Так ему и жена присоветовала. Она прикатила проведать своего Николашу, а больше поглядеть - есть в этом заводе за кем ухлёстывать? Курилов не славился юбочником, да как знать, всё впервой случается. Таисья поздно пристроилась под мужнин бочок, дело к двадцати шести её годам тогда шло. Вот и гложет беспокойство - удержаться охота при муже, а детишек за пять лет у них не народилось.

Шуму, конечно, наделала в заводе. Благо что сухо, вот-вот лето ждать. Надзирателева жена и ступила из новой брички на заводскую землю башмачками-беж на каблуках таких высоких, что девки и бабы, что рядом стояли, заплескали по воздуху рукавами, закачали головушками - сверзнется супружница сыщикова!

Но ничего, твёрдо прошла по тропке в палисад подле дома, где Николаше определили две комнаты для житья. Оглянулась на местных зевак, растопорщила свою трость - а это зонтик. Бабы какие даже взверещали - восторг ли пробил или испуг взял. Таисья улыбнулась, пошла к дому, фасоня переливчатой кремово-розовой юбкой в полоску.

Держать моду всегда было её увлечением. Росла Таисья далеко от уральского края, в Екатеринославской губернии, между вольной рекой Дон и тёплым Азовским морем. Росла в достатке, обучение дома получила на все лады - один гувернёр про звёзды рассказывал, к географии приохотил и много исторических книжек присоветовал. Русская учителька всё больше к письменной грамоте клонилась, а ещё выучила Таютку игре на рояле, хорошим манерам, православным обычаям. С фрау гувернанткой Таисья постигла науку ботанику, немного освоила медицину, стала понимать по-немецки, хотя говорить на этом языке не могла. От маменьки - любовь к разным рукоделиям переняла.

Невеста будто бы хоть куда. Ан не заладилось. Присмотрел отец для Таисьи жениха статного, богатого и доброго. Да только пожилого - ему вскоре полвека на грешной земле справлять, а он туда же - свататься. К девушке осьмнадцати годов. Таисья волю проявила, послушалась отца - и ни в какую! Так почти два года её то мытьём, то катаньем замуж гнали, сдюжила. Да только ослабилась капризной невестой. Другие и стали стороной обходить. Ещё уточнение про Таиску - росточком вовсе не вышла. В кругу её матери поговаривали - дитя не выносит, больно хлипкая. Дескать, опасно на такой и жениться, род прервёт.

Так-то языки они чесали, а Таисья не отступалась - ждала счастья. И даже характером не испортилась. Будто даже окрепла - и да, и нет смело говорит, за всякие дела берётся, не боясь оговоров и ухмылок.

Вот ведь, не почто зря страдала девушка. После двадцать четвёртого праздника своих именин познакомилась на одном скучном приёме у соседей с молодым кавалером. И так они сыгрались в одну дуду - насмешки о происходящем друг у дружки понимают, на рояле в четыре руки - невпопад, а им весело, даже десерты одни и те же выбирали.

Таисья вспылала, сон не идёт в голову, как охота снова повидаться с Николашей Куриловым. Тайком даже крамольные мысли настигали - прижмётся к подушке и лицом в неё тычется. Что сказать, девушка зрелая, здоровая, хоть и мелковата.

Но Николаша не навещал... Выспрашивать про него стыдно, видать, смириться надобно.

Через четыре месяца снова встретились у соседей, он рассказал: возил матушку на воды в Европу, так дорога туда и обратно чуть ли не дольше водолечения обошлась. На такой лёгкой волне опять разговорились и никто так не понимал Николашу, как Таисья.

Словно душой в зеркало Николай глядел. Разве что нервы у новой знакомицы гибче, а Курилов - взрывной. Что не красавица, нос кнопкой, губы тонки да веснушками осыпана по лицу и по плечам, так что ж - взгляд быстро привыкает, чай, не уродство и на выставку её не везти... Фигурка ладная, походка лёгкая - ножки быстрые, без устали. Волосы пушистые, она из них всяческие модные финтифлюшки наворачивает. Бывало не раз так думал Николаша, пока полгода безвылазно и почти безропотно добывал себе повышение по службе, не показываясь в свет.

А потом наладился в гости к Якову Григорьичу, да время выбирал, чтобы не сразу застать его дома, вот и выдавался час побыть с его дочкой, Таисьей Яковлевной.

Вскороости отец объявил Таиске, что ожидает серьёзного об ней разговора с заинтересованным молодым человеком.

- Это кто же, папенька? - насторожилась она.

- Курилов Николай Савватеич. Из тутошних.

- Так мы хорошо знакомы! Неужто посватает?

- А ты будто и рада?..

- Была бы рада, папенька. Николай Савватеич глянулся мне, - и тёмно-русый локон так на пальчик намотала, что вот-вот вырвет его из головы - взматежилась, глаза сверкают.

Усмехнулся Яков Григорьич, сизую бороду оглаживает да на дочь любит. Припозднилась она у них, двадцать шестой год с осени пойдёт, то сама не схотела, то женихи пропали. А приданое не подстать князьему, но имеется у ней. И собой Таиска девушка миловидная. Да и скрывать не надо - книжками шибко увлекается. То стишки читает, а то и про новые открытые земли берётся узнавать. Что сказать, заняться барышне особо нечем было без мужа, оно и сладилося так - на рояле мало-мало тренькает, песенки знает, вышивать охоча, танцам обучена, сама кофий варит и чай по-китайски подаёт.

- Когда же Николай Савватеич обещался зайти? - не утаивает от отца весёлого расположения, плечиками раскачивает, будто невтерпёж ей сорваться и понестись сломя голову, не разбирая дороги, так рада.

- Завтра к обеду обещался.

- А хорош он Вам, папенька?

- Бравый, ничего не скажу супротив. Да всего только околоточный надзиратель об эту эту пору, жалованье не велико, благо, наследство кой-какое имеет от тётки. Гутарит, мол, скорёхонько повышают его. Ну тогда и глядеть будем.

- Папенька, в гляделки нечего играть, люб он мне!

- Да ты не на кудри его льняные глаза пяль, не на рост медвежий. Жить как привыкла? Мож и не вольготно, но отказу мало в чём имеешь. Не пожалела чтоб. А я руки умою от твоего содержанья, как замуж пойдёшь, это тож учти! Ить с другого бока смотреть, засиделась, замуж невтерпёж как пора!..

- Ладно, папенька, седло меряем, а кобылу не купили. Верно ли завтра свататься он надумал? - плечики опустила, с лица опечалилась. Шорх-шорх, шорх-шорх - повиляла юбкой из дорогой тафты.

Яков Григорьич мотнул головой, сам улыбается - оно и правда, перебродит девка скоро, отдать уж кому понадобилась.

Из залы - трень, трень, примерилась к клавишам. Следом голосок чистый, высокий ещё по-девичьи:

Утро туманное... у... утро туманное, утро седое,

Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.
Вспомнишь обильные страстные речи...

- Папенька, пошлите Анютку в лавку за конфетами, что в атласной коробке - к завтраму...

- Сама распорядись, конфеты я ещё не выбирал, ишь ты!

И уже звонче, полётно:

Взгляды, так жадно, так робко ловимые,

Первые встречи, последние встречи,

Тихого голоса звуки любимые.

- Папенька! А, папенька?..

Якова Григорьича след простыл - дома он сидеть не любил.

Предчувствие было верным - Николай Савватеич посватался, обвенчались молодые по осени. Желая иметь следующее повышение в карьере, Курилов увёз жену на Урал - там ему дядька выхлопотал хорошее место, дом обошёлся весомо дешевле проданного на юге.

Жили они складно, ссорились редко. Печалились только о наследниках - пока судьба не одарила детишками.

Глава 3: Вдовьи мытарства. Устинья

Так стала Таисья Яковлевна супругой полицейского надзирателя, а попросту сысертского сыщика Николая Савватеича Курилова. И вот однажды, когда по долгу службы отправился он в завод, и поездка грозила весьма затянуться, Таисья отправилась тем же маршрутом, не просох ещё и след колёс мужниной повозки на прибитой дождём дороге.

А как же, убийство! Молодого очень красивого и богатого семьянина из вольных. И вроде как заколдованная женщина причастна. А вдовой осталась молодуха с тремя детками. Так в городе было слышно. Таисье любопытно, хочется поближе эту историю расчувствовать. Да и Николаша уехал, хлопнув дверью - не знаешь, дорогая жена, куда себя деть-подевать без ребятишек, вот и тяжелей нам стало ладить, нравоучения мне учиняешь, роздыху не видать.

Надо побыстрей мириться, а то гляди подыщет себе "роздых" среди заводских вдовушек...

Одна из них тут как тут, только сыщик поселился в казённом доме. Чего околачивается?.. Утром мимо пройдёт и ввечеру тянет шею - в окна высматривает. Вдовья доля, хочет прознать настроение приезжего.

Сейчас издала увидала бричку, подкатившую к сыщикову дому, свернула с пути - и сюда. Пытливо оглядела барыньку в городском розово-бежевом наряде, заковыристой загогулиной из волос, чуть прикрытой крохотной шляпкой переливчатого плюша. Ой! - и перекрестилась, когда та щелчком превратила трость в полупрозрачный купол цвета слоновьего бивня.

Фееричный приезд незнакомки застала среди прочих заводских баб и Катерина, молодая да задиристая жена Демида, дружка Степанова.

- Футы нуты лапти гнуты! - громко зубоскалила молодуха Катерина, подбоченясь. Таисья сделала ей ручкой и скользнула в дверь дома, повесив открытый зонт на держак у крыльца.

- Жена-атик наш городской сыщик! Дак таперича чо ж, не до Степана иму, с такой барынькой сыск-то и забросит, хлыздить почнёт. Оно вишь охаживать шибко много таку надо - пока утром пышны юбки натянет да кудри навёртывать почнёт, дак стемнет на дворе-от.

- Охолонь, поглядим чо за пава, - остерегла её вдовая Устинья.

Ей не повезло сразу - двух лет не прожила подле своего мужика, как схоронила. А самой только двадцать годов о ту пору отмерилось. Оно как получилось. Родители просватали за мастера - денежный, с хозяйством, только хворый - сызмальства сидел над малахитовыми бирюльками. Бляшки-то всем доступно вырезать, а точку малахита для украшений, для барских заказов мало кто осилит. Ему ловко далось. Вот и разжился мало помалу. Да некогда обжениться было. Чуть ли не в сорок надумал, золотоволосую гибкую да пригожую Устю взял себе в радость - любовался да баловал. Помощницу по дому ей позвал, подростка Марютку из соседских.

Схоронила Устинья своего Николая, хозяйством его сытно кормилась, сбереженья расходовала, а всё ж пригорюнилась - знамо, ласки кому не охота, а ещё в молодом вовсе возрасте. За бедных заводских не шла, куда там - успела привыкнуть к доброму хозяйству, а распылять добро не гоже, наращивать надо. С кем?..

И вот глянулся ей Степан. Акурат от Хозяйки он тожно возвратился. Да от него от ворот поворот вышел, он о ту пору уже невестой обзавёлся - Настёнку-сироту выбрал. По себе, знает. Тоже ведь на дядькином попечении с отрочества жил. Да вдруг разбогател. Но от слова своего не отступил - Настасья в его дом хозяйкой пошла.

Устинья ещё помыкалась. Теперь в Сысерть засобиралась, в артель какую или в дом к барыне на уборку. Отец, мать отсоветовать не могут - старшая дочь у них в заводе с мужем живёт, сын тут же, семейный, а младшая оторваться от корней удумала. Страшно отпускать,

хоть бабе четверть века набежало, а к кому в дом попадёт, обижать не станут ли, будет ли ей там пара из лакеев или кого приличных, не с извозчиком же бабий век тужить...

Торопилась Устинья, хозяйство Николаево распродала, а чем и родичей одаривала.

И то правда - чего куковать, годы вовсе уходят... Была-то раскрасавица, нынче когда и чувырлой за глаза обзовут - завсе себя не блюдёт, в обносках шоркается по улке.

Глава 4: Таисьино дознание про сапфир от Малахитницы

Это Катерина не утаила её судьбу от Таисьи. Заутро они снова свиделись, нарядная барыня поманила Катерину с тропки ручкой в палисад. Вежливо приветствовала, спервоначалу про малахитовы бляшки для ботинок вызнала, потом к слову пришлось - подарила Катерине серебряный напёрсток, чем подкупила на балясы.

А зачиналось так. Таисья вечер полюбезничала со своим Николашей и давай приставать, когда ему домой пора будет. Он человек отходчивый, муж ласковый, сердить жену не охота, но признал - конца и краю этому дознанию не видать. Будто и не начинал ещё вовсе - прояснений никаких, от допросов толку - что от козла молока. На сей день только и подозреваемых, что дед Прокопич, да и тот запропастился. Дался начальству этот заводской Степан сын Петров... Помер и помер, а поди ж ты, надобно прознать от чьей руки. Да сам губернатор у сысертских испрашивает по Степанову делу. Загадка.

Задумала Таисья помогать мужу, втихую, конечно. Дескать, ему не всё скажут, а в бабьих балясах утайки меньше. Чтобы доверие от заводских баб и девок получить, наперво стала о том, о сём расспрашивать, издалека подбиралась к Прокопичу. Хочется Катерине об Устинью язык почесать - ну и пусть. Вот ей напёрсток, чтоб язык ловчей развязался. Татьяна надумала про двух женихов Катерины покалякать, как та Демида за кудри выбрала, вот ей красной нитки на вышивку.

У Таисьи и свой интерес. Выпытывает, как вы бабы, каждый год родить умеете? Для примера - Настасья Степанова, за три года - трое робятков. Барыньке тоже знамо дело охота детишек. Бабы и подучили, какую траву себе в чашку с чаем кидать, а какую - мужу подмешивать. Дали ей те травки сухие в двух разных тряпицах. Таисья послушалась, выполнять стала.

А Николашину заботу продвинуть не может - уже и шкатулку для рукоделий выпростала, раздарила нитки, напёрстки, лоскуты, а не шибко поимела с того.

Заводские ноне всё про Малахитницу долдонят. Начнут с одного, а повернут на Хозяйку. Взбудоражились Степановой кончиной, вдругорядь припомнили его неожиданное богатство, шкатулку Ей дарёную.

Таисья - барынька, ей пуще заводских любопытно про шкатулки да камни. Она и заслушалась.

Татьяна с Катериной да другие иногда бабы как наработают всё по дому, огороды выластают, так к Таисье в палисадник - семечки лузгать да лясы точить. А городская их выучила кофий пить на улке. Она в наших местах чужая - с реки Батюшки Дона супруг привёз её. А там турчанки, каких казаки во времена оны навезли из походов, выучили всех местных баб, будь ты барынька или крестьянка, кажен день кофий пить, вроде как закон такой сложился у них.

Ну Таисья и в Сысертки его блюла. С собой в завод банку кофия привезла, да в тутошней лавке ещё подкупила.

И вот медный кофейник на подносе выставит в палисадник и потчует баб, чашечки махонькие, одна церемония от такого питья. Ну, тешатся, знамо.

Так и завелось, Курилов у себя в конторе дознания учиняет и всё на бумагу записывает, а Таисья баб кофием подпаивает да байки собирает. Она барынька покладистая - дома прислугу и то не гоняет, сама какие-никакие рукоделия выполняет. Слушать умеет да ещё и понуждает хорошо рассказывать. С заводскими она быстро сладилась, не гляди что на вид шибко модная и губы кармином подмазывает.

Вот и донесли давеча бабы, дескать, возвратился тогда Степан с цепи не пустой. За пазухой принёс ли, наперво где припрятал ли, а только появилась у Настасьи, жены его, шкатулка красоты волшебной. В ней - украшения подстать царицынским да ещё краше, камни крупные, чистые, лучистые. Куда их в заводе надеть? Мало похвастала ими Настасья да припрятала. А что на свадьбу да на обзаведенье всякое им пошло - помещицам с округи выгодно камешков продали, щегарь Степану в том деле подсобил и сам в накладе не остался - мал мало обжиться хватило приезжему человеку.

Старики враз догадались - с Хозяйкой Медной горы Степан-от спутался. По другому огромные камни с лучами, что Настасья показывала, не добыть. А как столбы малахитные отыскать? Только тот глыбы узрит сверху, кто снизу их видал.

Дескать, бывает, что Малахитница заскучает по новому мастеру, какой бы ей каменные причуды сотворял в её подземелье, да и покажется людям. Увлечёт парня в гору, богатства свои являет, красой неувядающей прельщает. Иные остаются в горе - Хозяйке в утешение. Каменные сады, хрустальные ручейки вырезают. В горе-то - целое царство, переходы, залы, галереи; стены, потолки, мебель, сады - всё из самоцветов и металлов, невидаль благолепная. Дивно, а не живое. Не живое, а дивно так, что забыть нельзя, мукой себя изведёшь в тоске. Уж лучше у Хозяйки остаться, коли туда угодишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.